

Драко

Коммуналка

Научно–фантастический рассказ

МЫ НЕ МОЖЕМ ПОХВАСТАТЬСЯ
МУДРОСТЬЮ ГЛАЗ,
И УМЕЛЫМИ ЖЕСТАМИ РУК.
НА НЕ НУЖНО ВСЕ ЭТО,
ЧТОБЫ ДРУГ–ДРУГА ПОНЯТЬ.
СИГАРЕТЫ В РУКАХ,
ЧАЙ НА СТОЛЕ –
ТАК ЗАМЫКАЕТСЯ КРУГ.
И ВДРУГ НАМ СТАНОВИТСЯ СТРАШНО
ЧТО-ТО МЕНЯТЬ.

В. Цой

Эпилог

– Десять лет назад вы говорили иначе, -заметил Рене Зенке. – Вы отправили меня в отставку, закрыли отдел и уволили всех моих людей. Времена меняются, да, Вуалье?

В кабинете было накурено и остро пахло потом. Пустыня за окнами жарко сверкала, тянулась к людям щупальцами зноя. Последний кондиционер еще вечером забился песком, о нем никто и не вспомнил. В пропитанной тревогой атмосфере даже мысли об отдыхе казались неуместными.

"Тупик..." – устало подумал Вуалье. Опустив голову, он встретился взглядом со своим отражением в полированной столешнице и вздрогнул. Отражение ответило тем же.

– Можете злорадствовать сколько угодно, Зенке, – тяжело сказал Вуалье. – Вы будете правы. Вы, черт возьми, уже десять лет правы, а мы тупые ослы. Кому от этого легче?

– Мне, – усмехнулся Зенке.

– Рад за вас. Теперь, если самолюбие удовлетворено...

– Мое самолюбие здесь ни причем, Вуалье, – оборвал Зенке. – Но вы и в самом деле полагаете, что можно вот так, спустя десять лет, неожиданно вызвать меня на объект и заявить, что ссылка была ошибкой? Тогда ваш оптимизм граничит с безумием.

Вуалье с трудом перевел дыхание.

– Что вы предлагаете?

– Ничего, – отрезал Зенке. – Мои сотрудники давным– давно разъехались, кое– кто уже умер, остальные нашли работу и мне не хватит ни времени, ни совести, чтобы вновь ломать им жизнь. Вы уничтожили наш отдел, господин президент, уничтожили основательно и навсегда. Лучшее, на что вы можете рассчитывать – мой личный опыт.

– Так поделитесь опытом! – Вуалье обрушил ладонь на стол. – У нас нет времени обсуждать прошлые ошибки!

Зенке развел руками.

– У нас и так нет времени, – ответил он коротко. – Хотите знать мое мнение? Вот оно: что– либо делать уже поздно. Следует позволить событиям развиваться своим чередом. Иного выхода у нас нет, господин президент. Совсем. Пора это признать.

Вуалье обвел присутствующих тяжелым взглядом. Люди молчали.

– Каждый из вас лучший в своей области, – президент сжал кулаки. – Вы запустили корабль на Луну, построили подводный город, обуздали ярость термоядерного синтеза. Не говорите мне, что спасения нет. Я не желаю это слышать!

Зенке подался вперед:

– Верно, – ответил он гневно. – Вы не желаете! Вас предупреждали о последствиях задолго до катастрофы, предупреждали все, кто хоть что-то понимал!

Вновь откинувшись в кресле, Зенке покачал головой.

– Надеюсь, вы извлечете из этого урок, господин президент. Если... – он закрыл глаза. – Если завтра вы еще будете президентом.

Один из сидевших за столом поднял взгляд.

– Какие у нас шансы? – спросил он сухо.

Зенке пожал плечами.

– Пятьдесят на пятьдесят, – он стиснул зубы. – По крайней мере, люди не будут мучаться. Все произойдет мгновенно. Вернее, все уже произошло миллион лет назад, а нам остается лишь ждать и надеяться...

– Надеяться? – Вуалье вскинул голову. Он не мог унять дрожь, в груди воцарилась странная гулкая пустота. Так бывает перед первым прыжком с парашютом, когда боишься не падения – ты знаешь, что не упадешь – боишься непонятно чего, и это самое страшное, и справиться со страхом можно, лишь прыгнув.

Зенке криво улыбнулся.

– Да, Вуалье, надеяться. Однажды мы вытянули выигрышный билет. И если это повторится – вы, как президент, больше никому не позволите играть в подобные игры.

Вуалье содрогнулся.

– Можете верить, Зенке... – выдавил он. – Я приму любые меры...

– Верю, – сухо ответил пожилой генерал. – А сейчас, поскольку нам еще двенадцать часов нечем заняться – как насчет покера? – он усмехнулся. – Сегодня я готов многое поставить на кон.

Выдержка из протокола допроса майора Вильяма Коулза, июль 2017

...Карогнис. Нет, не имя. Так его называли сородичи, но это не имя. И не профессия. Если хотите, считайте слово "карогнис" кличкой, вроде нашего "славный парень".

Да, они пользуются именами... Только скрывают их. Имя – часть личности. Вы стали бы раскрывать свою личность первому встречному уагреаку? Вот– вот, в некотором отношении мавы довольно похожи на нас.

Уа– гре– ак. Первый звук на выдохе. Так мавы называют людей. Откуда они знают о людях? Ну– ну, не будьте наивным. Кого, по– вашему, они изучали в этот временной период?

(смешок) Вы в самом деле полагаете, что он бы мне сказал? А даже если б сказал, ему следовало верить? Вы открыли бы незнакомому пришельцу, где живут люди, как пролететь к Земле, где главные города?

Нет. Сколько раз повторять? Нет! Они не живут в прошлом! Я встретил коллегу, такого же разведчика, как я сам. У нас даже оборудование было почти одинаковое. И говорили мы на одном языке. Что в этом странного? Его, как и меня, готовили к полету много месяцев. Мы оба собирались вступить в контакт с народом еккеранг, это была удивительно развитая для своего времени культура, существовавшая на небольшом острове в Тихом океане. Разумеется, Карогниса, как и меня, обучили языку аборигенов.

(устало) Нет. Никаких сказочных совпадений. Островок, где я высадился, спустя год должен был обратиться в газ под действием мощного извержения. Риск парадокса был минимален, и все равно Сегье долго не решался на опыт. По– вашему, мавы не могли руководствоваться теми же соображениями, что и мы?

Послушайте! Если вы станете переспрашивать десять раз в секунду, я не успею ничего рассказать! Что "почему"? Почему не успею? А вы дали мне возможность рассказать, почему?!

*Джонатан Уэбб: "Судьбы нет", август 2029.
(фрагмент биографической повести)*

...Коулз всегда любил фантастику. Ребенком он зачитывался Верном и Уэллсом, повзрослев – ненадолго влюбился в сказки, но быстро вернулся к серьезным жанрам. Затем армия и летное училище отодвинули грезы об иных мирах на задний план.

Но даже в детстве Коулз ни за что бы не поверил, что станет первым человеком, встретившим иногю.

Сама встреча произошла до обидного буднично. Экспедиция на остров Еккетаг была уже девятнадцатым полетом Коулза в прошлое, и новизна впечатлений успела раствориться в рутине. Коулз давно свыкся с мыслью, что не изведает славу Гагарина и Армстронга; о первом хрононавте общественность могла узнать лишь при утечке сверхсекретных данных. Сами полеты в прошлое мало отличались от воскресных поездок "за город", миллион лет – слишком мало, чтобы чувствовать себя на другой планете. Природа Земли в то время мало отличалась от современной. В экспедициях Коулз напряженно работал, выполняя научную программу и, очевидно, выполнял ее хорошо, поскольку уже третий год оставался единственным в мире хрононавтом. Его дублер, бывший астронавт Клод Далтон, даже шутил, что Коулза раз за разом отправляют в прошлое, желая проверить, сколько экспедиций способен пережить человек...

Девятнадцатый полет обещал стать интересным. В течение семнадцатой экспедиции Коулз забросил в деревню дикарей на острове Еккетаг несколько замаскированных камер; собранные ими данные были переданы ученым при следующем полете в прошлое. Это позволило изучить примитивный, и в то же время необъяснимо развитый для своего периода язык древних людей.

К девятнадцатой экспедиции Коулза готовили тщательно, прорабатывали десятки сценариев. Инструкторы в очередной раз проверяли его боевую выучку, техники колдовали над оборудованием, дизайнеры ломали головы над "божественным" одеянием. Первый контакт с предками человека мог обернуться чем угодно.

И все же Коулз оказался не готов к встрече с пришельцем. Он заметил его первым, в лесу рядом с небольшим водопадом, и сначала решил что видит пещерного медведя. Коулзу потребовалось несколько минут, чтобы уговорить разум поверить глазам: не каждый день встречаешь медведя в скафандре.

Потом, уже после знакомства, стало ясно что Карогнис не очень-то и похож на медведя, скорее на крупную панду, однако первое впечатление самое сильное. Пожалуй, если бы оба разведчика не говорили на языке еккеранг, контакт мог бы и не состояться.

Первым в тот день заговорил Карогнис; ему было легче, ведь Коулз сильно напоминал аборигенов деревни. Громадная и очень добродушная на вид панда по-медвежьи грузно уселась в траву и склонила голову на бок.

– Небо или завтра? – спросил Карогнис на языке еккеранг.

Коулз, справившись с изумлением, довольно быстро сообразил, почему понимает слова пришельца, но некоторое время размышлял над смыслом вопроса.

– Завтра, – ответил он, догадавшись.

– Я тоже, – заметила панда.

Пораженный человек опустился в траву напротив пришельца. Подготовка к первому контакту помогла: Коулз быстро одолел естественную робость.

– Кто ты? – спросил он.

– Гость, – отозвался пришелец. – Я ищущий – ответы.

– Я тоже.

– Удивительная встреча.

– Согласен!

– Завтра далеко? – поинтересовалась панда.

Коулз задумался. В еккеранг не было числительных, подходящих для описания миллиона лет, не было и слов для арифметических действий. К тому же открывать пришельцу сразу многое ему не хотелось.

– Очень, очень, очень далеко, – сказал наконец человек.

Панда сложила на животе тяжелые лапы.

– Тогда я живу очень, очень, очень – очень, очень, очень завтра.

"Двойной срок!" – понял Коулз. Вероятно, пришелец знал об ограничении машины времени и, очевидно, сам пользовался такой же.

Взглянув на лапы панды, человек отметил наличие лишь четырех пальцев на каждой. То есть, пришельцы скорее всего пользовались восьмеричной системой счисления.

– Коулз, – представился он, коснувшись груди.

– Имя? – спросил пришелец.

– Имя.

– Я карогнис, – панда повторила жест человека. – Не имя.

– Человек и карогнис?

– Нет. Уагреак и мав.

Коулз задумался.

– Какое имя носит карогнис? – спросил он затем.

– Я не скажу.

– Табу?

– Нет доверия.

Словно извиняясь, панда добавила:

– Только друзья и родичи.

Выдержка из отчета майора Коулза, январь 2012.

...Высадился в намеченном периоде. Сразу обнаружил робота №7, того что не вернулся. Порвалась гусеница. Пока устанавливал камеры, появились стрекозы. Определить вид не смог, на глаз – размах крыльев почти метр (см. видеозапись G01). Никаких следов наземной фауны в пределах видимости, одни хвощи и болотистая местность.

Мне тут советуют прекратить описывать данные, которые и так можно с датчиков снять, и поделиться впечатлениями. Что ж... Для первого хрононавта, впечатлений немного. Конечно, хотелось бы сказать "Воздух сказочно чистый, как в горах, много незнакомых запахов!" – стараниями фантастов эту фразу ожидали от меня первой. Вынужден разочаровать всех романтиков: находясь в прошлом, я не рискнул снять скафандр, ведь мало кто знает, какие вирусы существовали в то время.

Видел нашего кролика, бедолага так и сидит в клетке. Я нарвал листьев, похожих на подорожники, просунул ему. Уши шевельнулись – может, выживет. Выпускать его на волю не стал. Опасно для древней биосферы.

По совету Альфреда провел опыт со срезом пластов. Погрузил зонд на десять метров под землю и оставил там капсулу с атомными часами. Как я знаю, ее пока не нашли; видимо, за миллион лет пласты сместились сильнее, чем ожидалось...

Так, меня уже шестой раз спрашивают, были ли там динозавры. Повторяю: никаких следов наземной фауны в пределах видимости. Динозавры исчезли шестьдесят миллионов лет назад, а я проник в прошлое всего на один. Скорее уж надо ждать встречи с первобытными людьми, именно в этот период они начали активно расселяться по миру. Но на болотах их искать бесполезно.

Понравилось ли мне там? Нет.

Письменные показания генерала (в отставке) Рене Зенке, ноябрь 2018.

Прежде, чем я напишу в этом отчете хоть слово, хочу предупредить: плевать я хотел на политкорректность, понятно? Ваша вшивая "законность" довела всех до грани, дальше – некуда. Так что прикиньте хорошенько, стоит ли читать мой отчет дальше.

Если коротко, то мы сегодня в ж***, потому что Кьон Сегье был уродом. А уродом он был редким, можете верить – уж я-то их повидал... Врагу не пожелаю.

Шея Сегье казалась слишком длинной, плечи – узкими, скулы выдавались вперед, рыжие волосы не признавали прически. Кожу покрывали многочисленные мелкие прыщи. Мясистые, вечно приоткрытые губы в сочетании с торчащими желтоватыми зубами придавали Кьону тошнотворный вид. В довершение портрета, водянистые глаза этого красавца легонько косили, а выглядели так, словно их вырезали у старой гниющей рыбины. Сегье было почти невозможно воспринимать всерьез – он выглядел, двигался и разговаривал в точности как сумасшедший ученый из комикса. Настолько дешевого комикса, что в целях экономии туда пригласили художника– пьяницу.

Разница заключалась лишь в том, что Кьон действительно был ученым, и столь талантливым, что кое– кто за глаза называл его сумасшедшим.

Я познакомился с Сегье много лет назад, еще когда работал охранником лаборатории, куда его направили после университета. Помню, как увидел его впервые: это нелепое существо брело по коридору с двумя черными саквояжами в каждой руке, рюкзаком за спиной и в фартуке, будто целиком сшитом из оттопыренных карманов.

– Вы к нам? – я вежливо преградил ему путь. Кьон некоторое время смотрел на меня рыбьими глазами, затем поставил саквояжи, сунул руку под жилет (я напрягся) и выудил... роскошный кожаный бумажник с золотым тиснением. Как позже выяснилось, он даже не знал, что это бумажник; подарок какого-то генерала пригодился, чтобы обернуть паспорт.

С тех пор прошли годы. Я получил повышение и собственный кабинет, где стояли мониторы наблюдения за всеми лабораториями, а Кьон ничуть не изменился. Он теперь жил на территории комплекса, в охраняемом день и ночь бункере, но по-прежнему мог явиться на пропускной пункт, держа в левой руке бутерброд, а в правой газету. Ему это прощалось.

Кьону прощалось многое... Когда я узнал, над чем он работает, я прекрасно понял причину. Это, черт возьми, была бомба! То есть не бомба, а в смысле – охренительная штука. Сейчас попытаюсь ее описать.

Еще в университете Кьон открыл закон, который потом назвали "Многогранным пространством Сегье". Последний год он даже бросил занятия, изучая свою находку, а когда закончил опыты и показал работу в академии, сразу стал доктором наук. И попал к нам, в пустыню.

Всех предупредили, что если доктору Сегье не понравится хоть слово, или ему кто-то помешает, остаток своих дней этот "кто-то" будет драить палубы мусоровозной баржи. В комплекс съехались множество специалистов, первое время даже Кьон иногда смущался, когда ему в помощники назначали пожилых академиков с мировым именем. Но скоро привык. Кьон был поглощен своим открытием полностью, думаю он отлично представлял все его последствия. У меня так вообще голова шла кругом, стоило об этом задуматься

Так вот, открытие: Кьон обнаружил, что пространство космоса вовсе не пусто, а состоит из своего рода "призм", склеенных в четкую и правильную структуру непонятно каким образом. Я даже не пробовал вникать в подробности, чего и вам не советую; главное, понять, что внутри любой такой "призмы" – система координат никогда не меняется. То есть планеты могут кружиться вокруг Солнца, Солнце – вокруг центра Галактики, Галактика – вокруг еще чего-нибудь, и все это вместе может

лететь кувырком с Вселенской горы, но внутри "призмы", где в данный момент времени находится наблюдатель, у любого атома всегда один и тот же адрес.

Попросту говоря, зная адрес нужной нам точки в "призме", мы можем туда попасть. Мгновенно. И нет разницы, где сейчас эта точка – главное, чтобы она была внутри нашей "призмы", остальное неважно.

А "призмы" огромные! Кьон говорил, если построить их модель в трехмерном пространстве, то бишь в нашем, каждая получится чуть ли не миллион световых лет в поперечнике. Он называл точную цифру, я не запомнил. Главное-то в другом! Адрес атома в "призме" записан в самом атоме! Точнее, не в атоме, конечно, а в его "проекции" на вещество "призмы". И Кьон, почти одновременно с открытием самих "призм", придумал способ, как этот адрес менять.

Чувствуете возможности? То-то. О таком даже фантасты не мечтали. Надел скафандр, нажал кнопку и вжик – ты на другом конце Галактики! Это вам не сказочная "телепортация", тут все железно: координаты цели неподвижны, пусть она хоть со скоростью света летит. И если ты нацелился на самолет, к примеру, то оказавшись на борту, получишь ту же скорость и направление, что и самолет. А можно ведь и самолету "координаты изменить", нацелившись, допустим, на нейтрино, и самолетик наш в результате мгновенно до скорости света разгонится...

Мне даже думать страшно, какие возможности открываются. Законы сохранения энергии и массы летят к чертям, туда им и дорога! Вечный двигатель дети станут на уроках труда собирать. Можно построить квартиру, где солярий будет на Меркурии, столовая на Марсе, а спальня на прогулочном дирижабле. Впечатляет?

Беда в том, что пока никто не придумал способа проверять координаты. Менять-то их легко, попробуй прочесть! Кьон однажды сказал: если умеешь трясти банку с разноцветными кубиками, это еще не значит, что сможешь собрать из кубиков дом. Да, прав он был... Голова у Кьона варит за десятерых, уж с этим мало кто спорить рискнет.

В общем, я тут немного увлекся, у меня ведь до сих пор дух захватывает, как подумаю, что могло бы получиться из этого открытия. Могло, да протухло...

Короче: во всем виновато вино. На вечеринке, когда Кьон и его команда триумфально отмечали следующий важный шаг; они научились определять

координаты границ "призмы". Теперь, по идее, уже можно было строить корабль, способный летать скачками по миллиону световых лет за раз.

К счастью, до этого не дошло, но на вечеринке Кьон выпил лишнего, утратил свою обычную рассеянность и ненароком сболтнул, что в его формулах за перемещение в пространстве отвечает всего одна переменная, у которой можно запросто изменить знак.

– И что же получится? – спросил веселый пухленький академик Бартоло. От его тона у меня сразу весь хмель из головы вылетел.

Кьон пожал плечами.

– Антиперемещение.

– Поясните свою мысль, пожалуйста.

Сегье улыбнулся.

– Что есть перемещение? Это изменение координат объекта в трехмерном пространстве относительно некой точки, где данный объект находился во время предыдущего наблюдения. Заметьте: чтобы фиксировать факт перемещения, требуется как минимум два опыта, разделенных по времени. Иначе говоря, перемещение есть одновременное движение объекта по четырем координатным осям: трем пространственным, и одной временной. При этом движение в пространстве может быть сколь угодно быстрым и неравномерным; соответствующее ему движение по временной оси всегда остается прямолинейным и лишенным ускорения.

– Так вы имеете в виду... – Бартоло подался вперед, – что антиперемещение позволит нам управлять движением объекта по четвертой оси? -только теперь смысл слов Сегье дошел до всех. Надо сказать, подобной мертвой тишины не бывает даже в морге.

Кьон в замешательстве оглядел напряженных коллег.

– Я думал, это очевидно, -заметил он неуверенно. – Перемещение изменяет координаты в пространстве, оставляя временную ось в неприкосновенности, антиперемещение делает все наоборот.

Бартоло медленно встал.

– Доктор Сегье, – он прищурил глаза. – Вы хотите сказать, что мы можем построить машину времени? Вернее, уже построили?

Кьон машинально кивнул.

– Конечно. Если изменить полярность поля, наша тестовая камера будет отправлять образцы в прошлое, а не в созвездие Кассиопеи.

– Почему не в будущее? – быстро спросил другой ученый.

– А будущего нет, – улыбнулся Сегье. – Движение материи в пространстве и времени – суть одно. Двадцать миллиардов лет назад Большой Взрыв породил Вселенную, и с тех пор во Вселенной нет ни одного неподвижного атома. А поскольку движется абсолютно все, то существует и время – вечный, прямолинейный и равномерный полет во тьму. Мы, все мы, каждая элементарная частица, каждый кварк – мчимся вместе с фронтом этой волны.

Он развел руками.

– Вот почему полет в будущее невозможен. Представьте, что Земля каким-то образом окажется в непосредственной близости от границ сферы, разлетающейся во все стороны от эпицентра Большого взрыва. Проникнуть ЗА эту грань невозможно в принципе, ибо по ту сторону нет пространства – пространство тоже часть Вселенной. В случае с временем, вся материя Вселенной уже находится на гребне волны. Антиперемещение легко отправит нас в любую точку, где волна уже побывала, и легко вернет обратно, но никогда не позволит шагнуть за грань.

Сегье поднял голову.

– Будущего нет, – сказал он спокойно. – Нас уносит от эпицентра со скоростью света, и каждый наш миг – первый во Вселенной. Призмы, открытые мной, есть ничто иное как кристаллическая поверхность Сферы Времени и, разумеется, они по самой своей природе неподвижны – вернее, они движутся вместе с нами, прямолинейно и равномерно, по четвертой координате. Для нас, как и для ЛЮБОГО объекта внутри призмы – будь то атом, кварк или звезда – они сохраняют полную неподвижность, ибо Время едино для всех! Вот почему при антиперемещении координаты в пространстве не изменятся, а глубина погружения в прошлое будет точно соответствовать расстоянию, на которое образец сместился бы при обычном перемещении.

– То есть, на данном этапе – около миллиона лет? – уточнил другой академик.

– Я бы не стал применять сугубо земные термины вроде "года", – возразил Кьон.
– Если взять за точку отсчета период полураспада стронция–90, получится... – он

извлек из кармана мини- компьютер и погрузился в вычисления, начисто забыв о вечеринке и тихой панике, висевшей в воздухе подобно облаку радиоактивного газа.

Должен сказать, я уже тогда понял, что по сравнению с этой небольшой речью рассеянного подвыпившего гения, взрыв кобальтовой бомбы в кабинете президента произвел бы меньшее впечатление. Само собой, другие ученые в нашем проекте – а они уж точно поумнее меня – поняли это гораздо быстрее. Один за другим, они быстренько разошлись, и если б я сразу же после слов Кьона не отдал приказ полностью оборвать все линии связи и включить режим боевой тревоги – вы бы сегодня не читали этот отчет.

Вас бы уже давно в живых не было, окажись на свободе такая новость.

Выдержка из протокола допроса майора Коулза, июль 2017.

...Нет, я провел там три месяца, и все это время Карогнис жил по соседству. Их машина не столь точна, как наша, поэтому мне удалось улететь первым.

Почему я не сообщил? Издеваетесь? Вы хоть в курсе, как работает установка Сегье? Ах, в курсе... Тогда позволю себе напомнить, что дисперсия по временной оси иногда достигает двух месяцев, генерал. При возвращении меня может отбросить в прошлое за пару месяцев до точки отлета. Вы представляете, что из этого выйдет? Боюсь, не представляете, иначе бы не спросили. Если вернуться в период, предшествующий отправной точке, разница между исходным и результирующим антиперемещением уже не будет компенсирована нормальным перемещением. Я окажусь в космосе, понимаете? Точнее, я-то окажусь в том самом месте, где был раньше, просто из-под меня улетит Земля. Система координат установки привязана к центру Солнца, так легче калибровать. Минимальный срок пребывания в прошлом – три месяца. Нам сказочно повезло, что при первом испытании, когда мы этого еще не знали, удалось избежать катастрофы.

Да, я часто общался с Карогнисом. Первые несколько дней мы настороженно присматривались друг к другу, но научная программа у нас обоих была слишком насыщена, чтобы жертвовать ею даже по случаю первого контакта. В деревне мы

работали посменно, чтобы не шокировать аборигенов. Дикари успели создать целую мини– мифологию, где я был добрым божеством, а Карогнис злым.

Почему злым? (смешок) Видели бы вы его... Ну да, разумеется, фотографии и записи, только поверьте: размер имеет значение. В реальности Карогнис производил очень сильное впечатление. Ведь он крупнее белого медведя. Хотя от медведя в нем гораздо меньше, чем в нас от шимпанзе.

...Не так много, как нам бы хотелось. Он очень скупно отвечал на вопросы о мавах. К тому же следует учесть, на сколь примитивном языке мы общались. О многом приходилось догадываться, еще чаще объяснять жестами или рисовать.

Да, они земляне, и тоже явились из будущего. Из нашего будущего. Если я правильно понял Карогниса, их время отделяет от нашего примерно один миллион лет.

Как "почему"?! Вы меня каким местом слушали?!

*Джонатан Уэбб: "Судьбы нет", август 2029.
(фрагмент биографической повести)*

– Ты большой человек там, дома? – спросил Карогнис за десять дней до отлета Коулза в будущее. Хрононавт с легким удивлением покачал головой.

– Нет.

– Я тоже маленький, – трехметровая панда опустила голову. – Есть вопрос, который я не должен задавать.

Коулз присел на влажный, покрытый мхом камень. Они с Карогнисом поселились у водопада, по разные стороны утеса, чтобы быть рядом, но не смущать друг друга лишний раз.

– Я слушаю, -заметил человек.

Панда сложила лапы на животе.

– Как вышло, что завтра вы живые?

– Мы – люди?

– Да.

– Разве так не должно быть?

– Вы вымерли, – спокойно ответил Карогнис.

Коулз улыбнулся.

– Да, этот остров погибнет через год, но люди живут не только здесь.

– Я знаю, – панда смотрела в сторону. – Я сказал то, что хотел сказать.

Коулз помолчал.

– Ты сказал, что люди вымерли. Совсем вымерли? Везде в мире?

– Да, – Карогнис поднял взгляд. – У нас дома вас нет. Я ищущий– ответы про людей, поэтому я здесь. Что ищешь ты?

Человек пожал плечами.

– Новые знания о предках. Как они жили, что любили, чего боялись...

– Только это? – быстро спросил Карогнис.

Коулз насторожился.

– Да, только это.

– Я думал иначе.

– О чем ты думал?

Панда ответила не сразу.

– Если я расскажу о своих мыслях, они станут твоими мыслями, – сказал наконец Карогнис. – Но мы разные. Мои мысли о людях, и твои мысли о людях, совсем с разных сторон. Ты потомок.

– Разве твои предки здесь не живут? – удивился Коулз. – Ты сам говорил, что мавы произошли от бамбуковых медведей.

– Говорил, – согласился Карогнис. – Но я потомок тех, кто жил, если не было людей. А ты потомок людей. Если есть ты, меня не может быть. И наоборот.

Коулз напрягся.

– Ты живешь в очень– очень далеком завтра. В два раза дальше меня. Могло случиться многое.

– Нет, – возразила панда. – Волна... Край волны. За ним ничего нет. Завтра отсюда – есть, из дома – нет. Я ошибся в первый день. Думал как ты – что люди жили, вымерли, потом родились мы, завтра-завтра. Но все не так. Я проверил... это, – он указал на приборы. – Мы из одного завтра. Ты и я.

– Невозможно.

– Знаю.

– Ты уверен, что не ошибся?

– Я хочу ошибиться.

– Но что это значит?

Карогнис перебрал лапами на животе.

– У меня нет мыслей.

Коулз вскочил и принялся нервно ходить взад– вперед.

– Если ты прав, произошел... – он запнулся, не зная как сказать "парадокс" на языке еккеранг, но панда махнула лапой: продолжай.

– Я догадался.

– Что-то изменилось во времени. Люди не должны были исчезнуть, кто-то изменил время!

Карогнис саркастически склонил голову на бок.

– Почему люди? Я могу сказать то же о мавах.

Коулз запнулся.

– Мы здесь... – произнес он медленно. – Мы раньше, чем случился ужас, поэтому мы вместе, мы видим друг друга.

– Верно, – согласилась панда. – Но вернуться домой сможет только один.

Человек содрогнулся.

– Почему?! – он резко отпрянул назад. – Ты хочешь... помешать мне?

Карогнис издал ворчание, заменявшее мавам удивленный возглас.

– Очень странная мысль. Один из нас вернется в несуществующий мир и исчезнет вместе с ним. Это я хотел сказать.

Коулз моргнул.

– Но кто?!

– Время покажет, – философски заметила панда.

Письменные показания генерала (в отставке) Рене Зенке, ноябрь 2018.

Коулз? Старина Билл... Что я могу сказать о Коулзе: он был отличным солдатом. На таких можно положиться, понимаете, о чем я? Любой офицер был бы рад видеть Коулза в своем взводе. Он мне всегда нравился.

Его гоняли, как ишака. Два десятка экспедиций! Дублер даже шутил, что Сегье заодно проверяет, как долго его подопытный человечек сможет стоять на ногах. Но Коулз выдержал. На самом деле, конечно, Сегье просто не хотел рисковать, отправляя в прошлое разных людей: все же это чертовски опасно, а Коулз отлично справлялся. До прошлого августа...

В общем, скажу так: я бы ему поверил даже без фильмов и фоток. В девятнадцатый раз он вернулся сам не свой, будто призрака видел. Эта тварь, там, в прошлом... Ну хорошо, не тварь, тот пришелец, навешал ему лапши на уши так, что перепугал всех на базе. Особенно Сегье.

Уродец допрашивал Коулза почти неделю, выжимал все детали, с утра до вечера изучал фильмы и диктофон. В комплексе разом прибавилось людей; в основном, наших, из охраны, но и спецов немало понаехало. Было как на бочке с порохом, ну вы понимаете.

Бочка взорвалась в сентябре. В прошлое впервые отправились сразу двое; бессменный Коулз и – сам Кьон Сегье. Руководство не хотело его отпускать, но он устроил истерику. Вдобавок, с ними послали легкий складной вертолетик на радиевых батареях; Сегье собирался, если потребуется, облететь весь мир в поисках решения загадки. Он уже не так боялся парадоксов.

Спустя три месяца Сегье вернулся один. Коулз, наш верный, невозмутимый Коулз, погиб, спасая этого яйцеголового из когтей махайрода. В черном ящике скафандра Сегье все сохранилось... Впрочем, надо отдать Кьону должное: оставшись один, он выжил и сумел довести дело до конца. И видели бы вы, как он изменился! Я глазам своим не верил – улетала фигня на палочке, а вернулся нормальный парень,

такого не стыдно и в строй поставить. Но самое главное: он нашел. Узнал тайну. Надеюсь, его "тайна" стоила жизни Коулза. По– правде, я отдал бы трех Кьонов Сегье за одного Билла...

Вообще-то, я не должен писать в этом отчете об открытии Сегье. У его информации гриф "Совершенно секретно", а у моего отчета простой. Но кому на фиг какая разница, сейчас-то? В общем, уже после смерти Коулза, Сегье отыскал в Африке место, где зародились люди. Именно миллион лет назад. Все более древние находки, которых нашими предками считали, оказались липой – в смысле, не липой, а просто другими обезьянами. Наши предки, подлинные и единственные, жили в Габоне, на горном плато Лопэ. Даже те дикари, которых изучал Коулз когда встретил... ну, медведя, они были тупиковой ветвью вроде неандертальцев. А может, и не тупиковой, кто знает? Не взорвись их остров, возможно мы сегодня были бы неграми...

Короче. Через две недели после возвращения, Сегье собрал большой консилиум светлейших умов Земли. И как думаете, что он им сказал?

– Я обнаружил невероятное, -заявил Кьон. – Мы с вами, как и все люди – результат временного парадокса. Нас не должно было быть.

Думаю, излишне упоминать, какая тишина воцарилась после его слов.

– Предки Homo sapiens на плато Лопэ в Габоне страдают от хищников, – продолжал Сегье. – Я пробыл там меньше месяца, и трижды видел гибель предка в зубах другого вида обезьян. Я утверждаю: без вмешательства хрононавтов, предки человека вымрут, и место людей в сегодняшнем мире займут эволюционировавшие бамбуковые медведи – мавы.

– Вы хотите сказать... – начал было один из академиков, но Кьон оборвал:

– Я уже сказал то, что хотел. Мы результат хроноклазма. Земля – планета мавов, и лишь машина времени позволила им, вернее вскоре позволит, переписать историю.

– Но это нонсенс, – возразил другой ученый. – Если изначально на Земле жили мавы, каким образом возник хроноклазм?

– Изначально? – усмехнулся Сегье. – Отвыкайте от стереотипов, мой друг. Время – не лента из прошлого в будущее, это еще одно измерение. Ваш вопрос нелеп; вы ведь не станете спрашивать, что было до Большого Взрыва?

– До Большого Взрыва еще не было времени, как такового, -заметил математик Тарасов, один из лучших специалистов мира. – Но миллион лет назад физические законы не отличались от сегодняшних.

– Верно. Однако вспомните топологию. Прямые, никогда не пересекающиеся на плоскости, легко пересекутся на сфере. Время вводит в наш мир четвертую координату и линии, неспособные пересечься в трехмерном пространстве, могут встретиться, и не раз, в четвертом измерении.

– История – непрерывная функция, иначе теряется сам смысл...

– Смысл чего? – оборвал Сегье. – Довольно антропоцентризма! Понятие "смысл" субъективно. Да, с нашей точки зрения кажется нелепым предположение, что в вопросе о первичности курицы или яйца правильный ответ – "не существует понятия первичности". Однако это так. Односторонней поверхности тоже "не может быть"!

– Не кипятитесь, – Тарасов улыбнулся. – Вы говорите не со школьниками. Лучше скажите, как вы понимаете "первичность" применительно к нашей проблеме? Ведь КТО– ТО должен был первым изменить время.

– Что было раньше, курица или яйцо? – коротко спросил Сегье.

– Но в таком случае налицо бесконечный цикл, вырваться из которого невозможно.

– Почему же?

– Потому что наше решение, каким бы оно ни было, также станет частью цикла. Сегье улыбнулся.

– Вы ошибаетесь. Действительно, мавы умудрились создать хроноклазм, превративший историю Земли в маятник. Пока действуют правила игры, цикл не может прерваться и на Земле раз в миллион лет меняются цивилизации. Но время, как и все на свете, непрерывно движется. Сфера Времени расширяется от эпицентра Большого Взрыва, будто могучая, текущая в вечность река. А в реку, как известно, нельзя войти дважды...

Сегье скрестил на груди руки.

– Да, люди и мавы раз за разом совершают гребки против течения. Но циклы не идентичны друг другу, ибо с каждым мгновением фронт волны улетает все дальше,

скачками отбрасывая нас в прошлое. Сама "вода" – меняется, и потому у нас есть шанс разорвать цепь.

Кьен внимательно оглядел присутствующих.

– Если мы совершим сразу два гребка, – сухо сказал он, – Наши соперники пойдут ко дну.

Повисла глубокая тишина. Кьон вздохнул.

– Сейчас не так важно, кто "первым" нарушил течение истории. Важно, что мавы неверно рассчитали вмешательство в прошлое и, каким-то образом, помогли людям выжить. Люди же, в свою очередь, помешали мавам стать разумными, истребив их предков – доисторических китайских панд. Проще говоря, вмешательство мавов спасло людей; люди уничтожили мавов; из-за этого мавы не смогли совершить вмешательство и люди вымерли; поскольку люди вымерли, на свет появились мавы и изменили историю.

– Проблема заключена в следующем, – после долгой паузы, продолжил Сегье. – С нашей сегодняшней позиции, из-за хроноклазма, мавы так и не возникли. Их вмешательство в прошлом не могло иметь места. Это значит, в нашей с вами нынешней истории люди вымерли миллион лет назад, на плато Лопэ.

– То есть как?! – воскликнул академик Бартоло.

– Очень просто, – ответил Сегье. – Едва мы, сегодня, доживем до момента, когда мавы – в несуществующем мире – отправятся в свою роковую экспедицию, НАШ мир исчезнет. Мгновенно. Его место займет планета разумных панд, с собственной миллионолетней историей! И лишь только мавы отправят в прошлое экспедицию, нарушившую течение времени, как вновь исчезнут, просуществовав миллион лет, которых никогда не было. И для них, и для нас, это означает... – Кьон подался вперед, – ...что завтрашнего дня не будет. Никогда. Наши народы выпадут из Вселенной, оставшись лишь внутри петли длиною в миллион лет, обреченные бесконечно творить одну и ту же историю. По– очереди.

– Цикл, – кивнул Тарасов.

– Последний цикл, – жестко оборвал Сегье.

Повисла пауза.

– Это невозможно, – ответил наконец Тарасов. – Я знаю, что вы сейчас предложите: самим отправить в прошлое экспедицию, чтобы спасти людей в Габоне и навсегда вычеркнуть мавов из истории Земли.

– Верно, – кивнул Сегье.

– Таким образом, люди сами создадут упомянутый хроноклазм, благодаря которому они сейчас существуют, и вмешательство мавов перестанет быть необходимым, как и в целом возникновение их народа.

– Именно.

– А что, если мавы придут к аналогичному решению? – Тарасов прищурил глаза. – Ведь и они теперь знают о нас. Им достаточно НИЧЕГО не сделать, и люди исчезнут...

– Напротив, – Кьон покачал головой. – Теперь, поскольку хроноклазм создадим мы сами, точка пересечения исторических линий исчезнет. Мавы попросту перестанут существовать, если ничего не предпримут.

– Маловероятно, чтобы они ничего не предприняли.

Сегье помолчал.

– Я думал над этим, – произнес он наконец, явно через силу. – Вы правы, нельзя недооценивать мавов. Они вполне способны придти к тем же выводам.

– Что же вы предлагаете?

Мертвая тишина.

– Нам придется уничтожить их экспедицию, – тяжело сказал Кьон Сегье. – Мы отправим в прошлое отряд профессиональных охотников. Их задачей станет истребление обезьян, угрожающих нашим предкам. Но, помимо охотников, в прошлое полетит элитный отряд вооруженных до зубов бойцов. И если мавы попытаются нам помешать...

Кьон обвел присутствующих мрачным взглядом.

– Их встретит меч, закончил он жестко. – Земля не коммунальная квартира.

Вот так Сегье выступил на консилиуме. Вроде француз, не шотландец, а туда же: должен остаться только один! Мне-то что, я солдат: прикажут, полечу хоть к динозаврам. Но даже мне было не по себе. Коулз, бедняга... Знал бы он, чего наворотил – перевернулся бы в кишках у того проклятого тигра...

*Джонатан Уэбб: "Судьбы нет", август 2029.
(фрагмент биографической повести)*

Первая пуля ударила Коулза в бедро. Тяжелая, разрывная. Сила удара подбросила человека, словно игрушку, перевернула в воздухе. Вторая пуля раздробила нагрудный блок приборов, пробила плечо и со вспышкой разорвалась в стволе дерева. Коулз молча повалился на сухие листья.

Сегье не стал подходить ближе. Удостоверившись, что напарник надежно выведен из строя, он сунул пистолет в кобуру и вытащил из кармана миникомпьютер.

– Не сердись, – Кьон виновато улыбнулся. – Я не люблю спорить.

Коулз судорожно дышал. Превозмогая страшную боль, он заставил непослушное тело перевернуться на спину. Дрожащая левая рука нащупала на поясе пульт управления скафандром, не глядя ударила по кнопкам. Умная электроника мгновенно перетянула развороченное бедро, остановив фонтан крови.

Закрыв глаза, Коулз напряг волю, борясь с беспомощностью. Сегье на него не смотрел; он подключал миникомп к диагностическому разъему своего скафандра.

– Тебя сожрал тигр, – сообщил он печально. – Какая потеря.

Коулз открыл глаза.

– Подонок... – выдохнул он.

Сегье рассмеялся.

– Я предупреждал: не становись на дороге. Помнишь? Позавчера.

– Глупец... – Коулз приподнял голову. – Скафандры все регистрируют. Тебя посадят на электриче...

– Трон! – оборвал Сегье. Отсоединив миникомп от скафандра, он гордо хлопнул себя по груди. – Не старайся быть глупее, чем ты есть, солдат. Я позаботился о черном ящике еще дома, прежде чем отправиться сюда.

Коулз сглотнул. От потери крови мутилось в голове, боль красила мир в пурпур. Ненавистный голос Сегье доносился будто из-под воды.

– Ты безумен, – прохрипел раненный. – Что ты... Намерен делать?!

– Я? – Сегье холодно улыбнулся. – Я намерен исправить ошибку природы. Таковую, как ты... И весь твой род! – рывкнул он внезапно, стиснув кулаки. Уродливое лицо Кьона исказилось от ненависти.

Коулз приподнял голову. Нелепый, смешной человечек, будто наряженный в скафандр циркуль, внезапно показался раненному неведомым существом – умным, враждебным и беспощадным. Такого Сегье еще никто не видел. Клеймо чудаковатого гения прилипло к нему слишком прочно.

– Ты... Не человек?! – выдохнул Коулз.

Сегье скрестил на груди руки.

– Отчего же. Телом я мартышка, как и ты, – он криво усмехнулся. – Только уродливей.

Кьон энергично, с силой, ткнул себя пальцем в висок:

– Но нас творит не только плоть! – он рассмеялся знакомым, лающим смехом. – Что ты обо мне знаешь, солдат? Что ты вообще знаешь? Тебе известно, каково это – жить, когда ты не похож на других?

– Тебя же боготворят... – прохрипел Коулз.

Сегье скрипнул зубами.

– Не меня, солдат. Я горбун на ярмарке идей. От меня требуется лишь думать – думать – думать! Создавать новые бомбы для таких, как вы, новые игрушки для взрослых детей. Я ненавижу детей... Знаешь, почему их любят? – Сегье хихикнул. – Это обезьяний инстинкт. Потомство нужно для продолжения рода. А на самом деле, дети – это недоразвитые имбецилы, примитивные умы, в них обезьяна торжествует! Кто, кроме обезьян, может придумать войну?!

Сегье дрожал от возбуждения. Пока он говорил, Коулз сумел сесть, прислонившись к дереву, и сейчас тяжело дышал, борясь с головокружением. Кровь, остановленная пенящейся прокладкой скафандра, уже не струилась, но раны были тяжелы. Левая нога фактически висела на нескольких уцелевших мышцах.

– Что... скажешь... дома? – с трудом спросил Коулз.

Сегье фыркнул.

– Правду, солдат. Я покажу наши данные, прокручу фильмы.

– Безумец!

– Может быть, – Кьон пожал костлявыми плечами.

– Этого нельзя делать, – выдавил Коулз. – Умоляю... Подумай о людях!

– О них я и думаю, – холодно ответил Сегье. – Уверяю, солдат, еще со школы я думаю только о них. Когда в меня бросали камнями, били в туалете, когда изрисовывали учебники непристойностями, а девушка, которую я любил, решила надо мной посмеяться и выставила голышом на вечеринке, когда в автобусах мне плевали на туфли, а в очередях оттесняли назад, когда за спиной вечно раздается хохот – о людях трудно не думать!

– Нельзя... Нельзя убивать всех!!!

– Убивать? – Сегье усмехнулся. – Я даже тебя не убил, солдат. Я никого не убью. Видишь ли... – он поднял палец, будто на лекции, – ...испокон веков, главным занятием людей было истребление себе подобных. Вы достигли в этом совершенства; вы научились убивать раньше, чем создавать! Даже дикари, первобытные полуобезьяны, живущие там, – он махнул в сторону недалекой пещеры, – чем они занимают свой едва появившийся разум? Каменными топорами, рубилами, копьями. Ножами, наконечниками стрел, капканами. Даже огонь! – Сегье так сжал зубы, что Коулз услышал скрип. – Думаешь, люди покорили огонь чтобы согреть жилища? Как бы не так! Первым применением огня стали поджоги степей, чтобы выкурить оттуда зверей и других людей, не похожих... И вы зовете себя разумными существами? – спросил он с презрением. – Вы, смеющиеся над каждым, кто умнее! Ненавидящие всех, кто красивее! Чем вы отличаетесь от павианов, скажи, солдат? – голос Сегье дрожал от ненависти. – Разве положение человека в стае определяется разумом? Посмотри на меня! Я умнее всех вас, вместе взятых, но я урод, и обречен глупо улыбаться, когда в меня швыряют бананы. Говоришь, меня боготворят?! – прорычал Кьон. – О, да... Я очень ценный горбун. Женщины хихикают за моей спиной, будто я большое животное, а не мужчина, зато я могу придумать машину времени! Конечно, меня нужно боготворить. Ведь я и есть бог... – Сегье расхохотался.

– Помнишь, мы изучали племя, две недели назад? – спросил он, внезапно сменив тему. – Ты еще удивлялся, какие странные у них дубинки, с шипами на рукояти.

– Для охоты... – выдавил Коулз. – Добивать... Зверей.

Сегье покачал головой.

– Не лги. Я видел, зачем эти дубины. Их суют в рот раненым, после драк между племенами, и вырывают им языки. Тот, кто без языка, уже не человек, верно? Он зверь, и его можно сожрать. Как видишь, определенная... этика... – Кьен словно выплюнул слово – ...была присуща даже предкам людей.

Выпрямившись, Сегье на миг закрыл глаза.

– Так что я никого не убью, солдат, – повторил он с нажимом. – Я предоставлю честь людям. Вы это любите и хорошо умеете. Какая ирония! – он дико рассмеялся. – Веря, что спасают себя, они себя прикончат. Веря, что истребляют народ мавов – спасут их!

– Ты! – Коулз ударил кулаком в землю. – Ты тоже человек!

– Нет, – Кьон Сегье отвернулся. – Я на вас не похож.

Выдержка из протокола допроса майора Коулза, июль 2017.

Чем мы занимались? Ну и вопрос. Полагаете, мы летели на прогулку? У нас с Карогнисом имелась обширная программа исследований, и...

Ах, вам интересно чем мы занимались в свободное от работы время. Беседовали. Расспрашивали друг о друге, о культуре наших народов. Карогнис обучил меня алфавиту мавов, у них всего двадцать одна буква и менее сорока звуков. Я показал ему латиницу. Мы пели песни, у мавов удивительно развит музыкальный слух. И еще они умеют смеяться. Когда я сказал ему, что в России о бездарных музыкантах говорят "медведь на ухо наступил", Карогнис смеялся долго. У мавов весьма популярна музыка.

Карогнис прекрасно рисовал, я заснял несколько его гравюр, вы наверное видели. Он славный парень, даром что выглядит как трехметровая панда. Думаю, сложись судьба иначе, люди и мавы стали бы неплохими друзьями.

Да, я знаю, люди их однажды перебили, но что это были за люди?! Дикари! Да и мавы, наверно, в то время от зверей мало отличались. Мамонтов, вон, тоже уничтожили люди, как и пещерных медведей. А вдруг и мамонты собирались стать разумными? Кто ж знал...

Да. Да, повторяю еще раз: Карогнис не делал попыток помешать мне вернуться. Мы расстались добрыми друзьями, хотя каждый из нас знал, что само его существование отрицает для другого возможность существовать. Мы много думали над этим и обсуждали.

Нет, решения мы не нашли. Во всяком случае, никто об этом не сказал. Спасения для обоих видов ждать неоткуда; тут или мы, или они – третьего не дано. Может, гений вроде Сегье на моем месте и придумал бы выход, но мне до него далеко... За Карогниса говорить не могу, хотя подозреваю, что он специалист моего профиля. Силовик.

Нет, я не думаю, что мы снова встретимся. Вероятность слишком близка к нулю. После моего доклада, как легко понять, остров Еккетаг стал запретной зоной, все намеченные экспедиции отменили. Даже если проект не закроют, а меня снова пустят в прошлое – это будет другое прошлое, в другом регионе. Ожидать повторной встречи? Все равно, как бросить с самолета две иголки в океан и ждать, что они упадут одна на другую.

*Джонатан Уэбб: "Судьбы нет", август 2029.
(фрагмент биографической повести)*

Сегье улетел на рассвете, милостиво оставив Коулзу пистолет и два патрона (на случай осечки). Большую часть оборудования экспедиции он бросил; проклятый безумец, очевидно, планировал предательство уже много дней, и загодя под предлогом исследований перенес базу на Мадагаскар, почти за три тысячи километров от плато Лопэ.

Коулз стиснул зубы от мысли, что не сможет предупредить коллег. Сегье, разумеется, не станет терять время в будущем и сразу по возвращению отправит на

плато карательную экспедицию. Ничего не подозревающие солдаты перестреляют собственных предков, веря, что спасают человечество от смерти...

Коулз не сомневался, что если бы Кьон Сегье успел ощутить миг, в течение которого человеческая раса исчезнет навсегда – он бы улыбнулся, погибая вместе с ненавистными ему людьми.

Так или иначе, бездействовать Коулзу не хотелось. Он знал, что не успеет помешать безумцу, и все же отказывался сдаваться без боя. Первым делом хрононавт отрезал себе раздробленную ногу, едва не лишившись сознания от боли, и соорудил примитивный подвес для раненной руки. Запас медикаментов в аптечке скафандра быстро иссяк, и уже на третий день бороться с болью приходилось лишь силой воли.

К счастью, канистра с водой и тюбики "космической пищи" остались в лагере. Коулз понимал, что в его состоянии куда-то ползти – чистое безумие, и ломал голову над планом подачи сигнала. Увы, собирать радио было не из чего; выстрел Сегье раздробил встроенный в скафандр приемник, а других с собой не брали.

Костер? За три тысячи километров? Хе... Искровая радиостанция, азбука Морзе? Идея хорошая, только делать не из чего. К тому же левой рукой, да без ноги, много не наработаешь. От безнадежности своего положения Коулз чуть ли не волком выл.

И тогда решение пришло само. Оно было столь простым и элегантным, что Коулз не сразу поверил в его реальность. Но, чем больше он размышлял, тем становилось яснее: другого выхода нет. Раненный солдат даже улыбнулся, представив лицо Сегье; надменный урод точно не ожидал подобной сообразительности от "мартышки".

Подготовка заняла пару часов и, наконец, выпив последнюю, тщательно сберегаемую таблетку болеутоляющего, Коулз начал ползти. До пещеры, где раньше обитали существа, сходные с австралопитеками, было около пятисот метров. Когда вертолет экспедиции появился в небе, племя в панике бежало, и с тех пор Коулз ни разу не видел аборигенов. Сейчас, ему это было на руку.

Коулз многое испытал за неполные сорок лет своей жизни. Ему довелось и падать в горящем самолете, и прыгать в море с тридцатиметровой высоты, и даже катапультироваться сквозь не успевшие отстрелиться лопасти подбитого "Команча".

Раны, полученные от Сегье, были не первыми следами такого рода на теле бывшего летчика.

Однако все эти испытания оказались детскими играми по сравнению с короткой, полукилометровой дорогой к пещере. Подобных мук Коулз еще не знал. Обрубок ноги жарили на сковороде, в плечо жестоко били клюшками от гольфа. Каждое движение отзывалось мутным клубком боли, несколько раз Коулз терял сознание, но заставлял себя ползти, кусая губы. Иногда он кричал, дергаясь в агонии, сыпал проклятиями, грязно ругался. Однажды заметил, что веревка, которой была привязана канистра с водой, перетерлась о камни. Отполз несколько шагов назад, зубами затянул узел...

Казалось невозможным, что прошел всего один день. Поздно вечером, ввалившись в пещеру, Коулз рухнул на грязные камни и милостиво потерял сознание.

Очнулся только утром. Подтащив к себе канистру, Коулз жадно выпил воды – теперь можно было не экономить. Предстояло еще одно усилие, всего одно. Коулз почти час собирал волю в кулак, чтобы вновь заставить себя двигаться.

Наконец, решившись, он отполз подальше от входа, где света едва хватало, чтобы видеть руки. Порода здесь была сухая, чрезмерно жесткая. Но времени у Коулза имелось много.

Час за часом, мучительно преодолевая боль, он бил камнем по зубилу. Случайностям места не будет. Буквы резал крупные, в две ладони, чтобы трещины или сколы не мешали читать. Вспомнив, что когда-то смотрел фильм о первобытных рисунках, Коулз сжег лист бумаги из блокнота и зубилом тщательно вбил пепел в каждую черточку. День уже угасал, когда работа была окончена.

Измученный человек закрыл глаза. Завтра он повторит надпись на другой стене пещеры. Затем надо будет изложить в блокноте все, что случилось... Спрятать блокнот так, чтобы первобытные не нашли... Тот, кто через миллион лет прочтет его послание и отправится в прошлое, едва ли застанет Коулза живым; подобной точностью машины времени не страдали. Главное – блокнот. Все должно быть там. Его найдут, непременно найдут... Пусть среди костей, лишь бы нашли.

Уже падая в мутную бездну сна, Коулз пожелал Сегье удачи с его планом.

Перед старшими, слова много–видевшего, красный спектр 410.707, Бета.

Индивидуум в поле вашего зрения. Вы обладаете опытом, разумом, памятью. Вас больше – вы меняете знания, вы выше, чем индивидуум. Осознав это, я признаю это. Доминируйте надо мной.

Я слышу вас, понимаю желания. Но голос слаб. Там, в минувшем, побывали мои глаза. Ваши – нет. Голосом я хотел бы заменить вам глаза, но слова превратят вас в калек, вы ущербны, пока я говорю. Такова жизнь.

Да, я встретил иного. Он был... не таким, как я, и в то же время близким, как вы. Нет, он не доминировал, даже не пытался. Да, мой разум раньше таких не встречал, но разум мой быстр, он опережает слова, и всякий раз я глубоко думал, прежде чем говорить. Я хотел бы сложить песню о нашей встрече. И я сделаю это, если.

Да, он спрашивал об имени, спрашивал о многом. Я отвечал, не всегда истиной, но никогда молчанием. Он дал нам загадку – огромную, как сомнение, и страшную, как смерть матери. Загадку звали Кооулз: он назвал свое имя, не стесняясь и не стремясь к доминированию.

Я не знаю причин. Но пустоту в горшке знаний заменит полный горшок мыслей. Я изложу их вам; я расстелю перед вами желтое полотно и забрызгаю его мыслями.

Вы доминируете, а я техник. Мой разум быстр, очень быстр, иначе я не был бы карогнис среди нас, кто воспрепятствует выводу? Лишь тот, чей разум быстрее, а его нет.

Когда я создавал из– берлоги, а я создатель многих чудес, но все они как рыбы, я думал над грядущим себя, своих, и даже над вашим грядущим. Минувшее опасно – опаснее порогов при весенней ловле, опаснее гранаты, проглоченной вместо финика. Видят ли теперь глаза, сколь быстр и широк мой разум?

Есть факт: даже я не смог предвидеть то, что было.

*Джонатан Уэбб: "Судьбы нет", август 2029.
(фрагмент биографической повести)*

Коулз проснулся от мягкого ощущения жидкости. Он лежал в небольшой пластиковой ванне, полной желеобразным раствором с весьма неприятным запахом. Однако пещера, где он уснул, никуда не исчезла; добавился лишь грузный и необъяснимо родной силуэт на фоне заката. Очевидно, Коулз проспал почти сутки.

– Карогнис? – слабо позвал человек.

Мав быстро обернулся.

– Да, – буркнул он. Подойдя к ванне переваливающейся медвежьей походкой, гигантская панда уселась на камни и тяжело вздохнула. – Ты чуть не умер.

– Я не ждал... – Коулз закрыл глаза. – Не думал... Что найдете так быстро.

– Не быстро, – мрачно отозвался мав. – Много, много дней. Жду тебя здесь.

– Ждешь?! – Коулз вздрогнул.

Карогнис помолчал.

– Слова, – он протянул лапу к стене. – Ты был услышан. Я вернулся из завтра, вернулся слишком рано. Много дней здесь. Ждал тебя. И другого уагреака, – панда вздохнула.

– Ты был здесь... – недоверчиво протянул Коулз. – Ты все время был здесь?! Когда мне оторвали ногу, ты был здесь?! Когда я полз... Умирал... Ты смотрел?!

– Я не мог, – с мукой ответил мав. – Не мог помочь. Тогда не стало бы слов. Не стало меня. И тебя. И всех.

Коулз проглотил грязные ругательства. Судорожно вздохнув, он заставил себя успокоиться: Карогнис был прав. Проклятое время с его шутками...

– Прости, – человек вновь закрыл глаза. – Ты не виноват.

– Коулз, – панда склонила голову к раненному. – Коулз, меня зовут Юррви.

Хрононавт вздрогнул. Мав смотрел на него спокойно; эмоции, если и были, ничем себя не проявляли.

– Только друзьям и родичам? – помолчав, спросил человек.

– Очень близким друзьям, – ответил Юррви. – Как ты.

Он бережно дотронулся лапой до окровавленной руки Коулза.

– Я видел второго. Видел, что он сделал. Но я не понимаю причину. Ты слишком мало написал...

– Это трудно объяснить, – сказал Коулз. – Я объясню. Потом. Сейчас, ты должен знать: ошибки не было. Мавы не виноваты.

Юррви сильно вздрогнул.

– Ты... знал? – спросил он после долгой паузы.

– Догадывался, – человек заставил себя улыбнуться. – Не вини своих. В том, что случилось, вашей вины нет. Ошибку допустили мы.

Мав закрыл глаза.

– Когда я вернулся, все стали думать, – сказал он тихо. – Мы не глупые, Коулз. Мы тоже поняли, что петлю создали мавы. Но не могли понять, как. Мы ничего не делали.

– Еще успеете, – отозвался раненный. – А пока знай, что петлю породили люди... Вернее, тварь, похожая на человека. Он уничтожил мой народ, Юррви, и потому появились вы. Люди не должны были исчезнуть, я сказал правильно, в первый раз, помнишь?

– Помню, – мав вздохнул. – Получается, ранивший тебя уагреак создал мой народ?

Коулз скрипнул зубами.

– Он почти убил меня, чтобы я не мог помешать. Он хотел, чтобы люди не жили, и добился своего. Он убил всех людей.

Юррви надолго умолк.

– Он хотел дать шанс нам? – спросил наконец мав.

– Нет, – терпеливо ответил Коулз. – Он хотел убить своих. Он ненавидел людей. Он сам не человек, другой. Он... как болезнь. Пожирает своих.

– Я не понимаю, – панда опустила голову.

– Я тоже, – утешил его Коулз. – Но люди бывают разные. Иногда они только снаружи – люди, а внутри... Непонятно что. Нелюди.

– Это нелогично.

– Еще как...

– Никто не станет желать зла своему народу, – повторил Юррви. Сказав это, он задумался на миг, а затем странно посмотрел на Коулза.

– Никто... Значит, и ты?

– Да, – человек выдержал взгляд больших черных глаз. – Я не желаю смерти своим. Но и мавам я хочу лишь добра. Ты знаешь это.

– Знаю, – согласился Юррви. – Не понимаю, но верю.

– Послушай... – напрягшись, Коулз сел в ванне и перевел дыхание. – Тот, второй уагреак, его звали Сегье. Он хотел убить всех людей, и он это сделал, потому что ты – здесь. Видишь мое послание? – Коулз кивнул на стену. – Я вырезал его вашими буквами на языке еккеранг. Я ЗНАЛ, что его прочтут мавы, а не люди.

Юррви кивнул.

– Мы много думали над этим. Ты поступил умно. Предусмотрительно.

– Да, Сегье от меня такого не ждал, – Коулз криво усмехнулся. – Он даже не понял, что сам сотворил петлю времени, от которой мечтал избавиться... А теперь, Юррви, слушай меня очень внимательно, – раненый подался вперед и положил руку на мягкую, теплую лапу мава. – Твоя... вещь, летающая в завтра, точная или нет?

– Куантанак?

– Мы говорим "машина времени"

– Я догадался, – панда покачала головой. – Нет, куантанак совсем неточный.

– Есть, чем рисовать?

Юррви моргнул.

– Есть...

– Дай. И свет!

Некоторое время раненый сосредоточенно выводил в блокноте какую-то схему. Мав молча держал фонарь.

– Вот, – Коулз перевел дыхание. – Все верно?

– Кажется... – неуверенно заметила панда. – Но я не понимаю, о чем...

– Стоп! – человек поднял руку. – Покажи, насколько неточный каунтанук.

– Куантанак, – поправил Юррви. Склонившись над схемой, он задумался, затем очертил когтем небольшую дугу. – Вот такой.

– Йесс! – не удержавшись, Коулз победно стукнул кулаком о борт ванны, обдав пахучими брызгами и себя, и мава. Тот смерил человека задумчивым взглядом.

– Что ты хотел сказать?

– Ничего особенного... – раненный с силой втянул воздух. – Юррви, я знаю, как спасти наши народы. И твой, и мой. Мы можем жить в одном завтра – вместе!

Панда отпрянула.

– На одной... земле? – недоверчиво спросил мав.

Коулз улыбнулся.

– Нет. На двух.

Письменные показания генерала (в отставке) Рене Зенке, ноябрь 2018.

...А я всегда подозревал, что рано или поздно Сегье спятит. Не верите? Спросите кого угодно на базе, они подтвердят. Кьон, конечно, редкая умница, но уж больно он... урод.

И вообще, хватит с меня вашего фарса. Кому нужен этот отчет?! Думаете, раз я военный, то и тупой как пень? Сегье нас всех поставил на грань, вот что я скажу! Мы и раньше бомбами друг над дружкой трясли, а теперь, любой псих в мундире или в халате может меня убить раньше, чем я вообще на свет появился. И родных моих всех. И народ.

Мне-то что, я солдат, прикажут – умру. Вы вот мне скажите, детей-то за что? Не только моих. ВАШИХ. Или у вас нет детей?

Да пошли вы все...

Я СИЖУ И СМОТРЮ
В ЧУЖОЕ НЕБО
Из чужого окна
И НЕ ВИЖУ НИ ОДНОЙ
ЗНАКОМОЙ ЗВЕЗДЫ

В. Цой

Пролог

Сегодня толпа туристов, летевших со всего света глазеть на Коулза, была необычно мала. Человек мысленно улыбнулся, подумав, что рано или поздно придется все. Даже веранда домика, который построили для него мавы – помнится, он сам ее рисовал, чтобы была похожа на ранчо в Огайо...

К протезу ноги Коулз так и не привык, предпочитая инвалидную коляску. Благо, она летала. Не раз и не два он размышлял над странной иронией судьбы – дома, среди людей, первый хрононавт никогда не стал бы героем, а здесь, в чужом мире, которому он едва не принес гибель... Впрочем, общественности, понятное дело, рассказали не все. Для мавов Коулз был сенсацией и легендой одновременно.

Лишь немногие друзья, такие как Юррви, знали правду. И для Коулза их уважение значило больше всех туристов вместе взятых. Он ведь и в самом деле не думал, что совершает подвиг, когда полз к той пещере. Долг приказывал, а Коулз привык исполнять его приказы.

Что будет завтра? Первый путешественник во времени этого не знал. И не раз ловил себя на мысли, что с радостью отказался бы от подобного знания.

Коулз ждал, ждал уже несколько лет, чтобы ученые вырвали у природы ее главную тайну. Лишь тогда – он сам себе приказал – да, лишь в тот день он вернется домой. Вернется, уже имея на совести один спасенный мир. Вернется ради спасения другого. Он мечтал об этом страстно, всем сердцем; ведь разум – разумом, а сердце Коулза каждый миг помнило о гибели людей. Последний человек во Вселенной ждал наступления дня, когда он сможет оживить свой народ и, в этот раз, уже навечно.

А еще Коулз хотел посмотреть в глаза Кьона Сегье. Просто посмотреть. И рассказать. О том, что змея издыхает, кусая свой хвост. И ненависть, обращенная против себя – умрет, оставив лишь грязное пятно в памяти и, быть может, старые шрамы на теле.

Подумать только, до чего смешная штука судьба... Ошибка одного – спасение для других. Жажда помочь нередко приносит смерть, а невинное детское увлечение фантастикой – спасает две обитаемые планеты.

Коулза не раз спрашивали, как он додумался до столь простого и очевидного решения. А секрет был прост – Коулз слишком плохо знал астрофизику, чтобы утратить веру в чудо. А чудеса, все же, иногда происходят.

Над примитивной, допотопной теорией о двойниках планет, вращающихся в диаметрально– противоположных точках орбиты, не смеялся редкий современный ученый. Ее прочно позабыли даже фантасты и лишь Коулзу, истекавшему кровью в середине кайнозоя, пришла в голову идея объединить эту старую гипотезу с возможностями машины времени.

Неточность, которую проклинали хрононавты, обернулась спасением двух планет. Что будет, если отправить в прошлое всю Землю, а вернуть ее – на шесть месяцев раньше отправной точки? В многогранном пространстве Сегье перемещение и антиперемещение прочно увязаны, поэтому разница во времени будет компенсирована разницей координат в пространстве. И если за точку отсчета взять Солнце, в диаметрально– противоположном отрезке орбиты возникнет вторая Земля.

Конечно, она просуществует всего шесть месяцев, поскольку именно такова была "ошибочная" дисперсия, однако за эти шесть месяцев у жителей Земли– два будет много возможностей отправить космический корабль на первую Землю и... создать парадокс времени.

Парадокс, который превратит Землю– два в планету мавов, оставив Землю– один – планетой людей. Парадокс, необходимый чтобы разорвать порожденную ненавистью петлю времени, открыв двум народам путь в будущее.

Будущее, которого нет.

Конец
(вернее, начало)